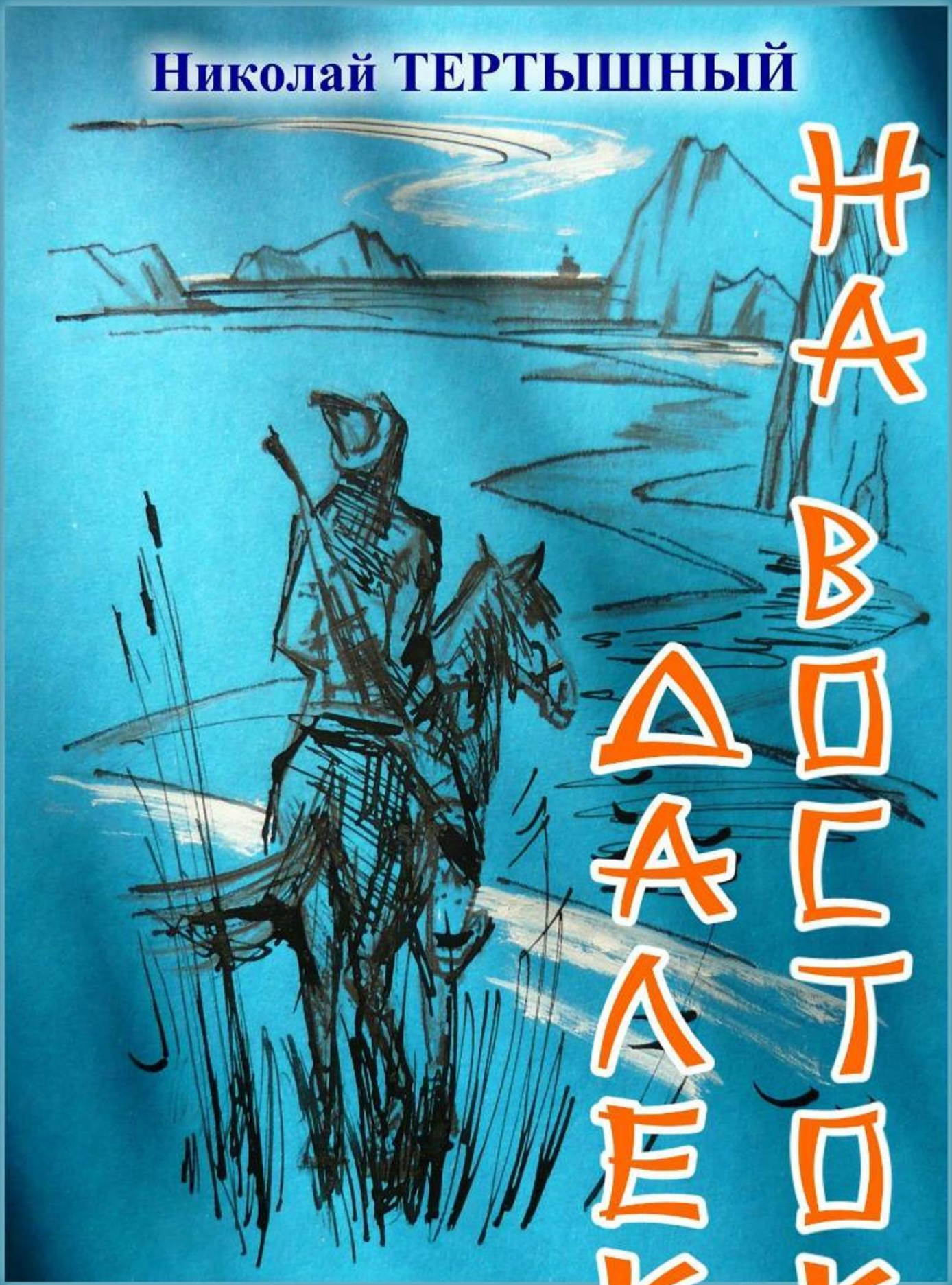
Николай ТЕРТЫШНЫЙ

НА ВОСТОКЕ ДАЛЕКОМ

Николай Тертышный

Далеко на Востоке

«Автор»
2026

Тертышный Н.

Далеко на Востоке / Н. Тертышный — «Автор», 2026

Приморье – тихоокеанский рубеж России. Благодатный край, замечательная природа, соединившая чудесным образом здесь все стороны света. Здесь складывалась значительная многовековая история народов, населявших и осваивающих здешние богатые земли. В занимательной повести «Далеко на Востоке» Н. Тертышного использован небольшой эпизод этой истории. Повествование, рассчитанное на юношество, можно назвать «занимательной историей», где упоминания о делах фантастических соседствуют с реальными событиями, и действо, происходящее тысячу лет назад, вполне может напомнить о себе и сегодня, например, сокровищем кумирни, захороненным случайно тогда в незавершённом кургане. Впрочем, сокровище ещё нужно найти...

© Тертышный Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Вместо предисловия 7
Глава 1 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Николай Тертышный
Далеко на Востоке

От автора

За выбор темы этой повести я обязан Станиславу Кабелеву, писателю, путешественнику, старшему товарищу и учителю, вдохновлённому красотами нашего края и умеющему щедро делиться своим вдохновением. Его идеи создания туристических комплексов на юге Приморья впечатляют и захватывают настолько, что невольно пытаешься посильно помогать ему, вникая всё более и более в историю наших мест, в задачу рационального освоения их, и привлечения к ним внимания общественности.

Все мои размышления нынче опять же о простых людях, о путях в «перестройке», об уходящем поколении отцов, и всё это, конечно же, не без оглядки в историю. Из последнего заинтересовался рождением Золотоордынской империи – первые предпосылки, условия, причины. По времени это конец двенадцатого столетия, когда территории Приморья входили в состав Золотой империи чжурчженей. Говорить о какой-то исключительной централизации здешних государств нет основания. Можно предположить лишь особо централизованный военный, политический механизм власти, основанный на идеологии силы, жестокости, угроз и набегов, но в самом начале в нём всё-таки присутствует желание блага пусть даже малому клану людей, ограниченному на тот период времени сословным несовершенством. И если эта сила по тем или иным причинам, особенно экономическим, переходила из так называемого центра в другое место, то и власть естественно уходила, образуя тут же другой центр. Это разорительное состояние народов, несомненно, в экономическом плане, приостанавливало их развитие, но, тем не менее, способствовало становлению особого типа государства, принципы которого положены были затем в большой империи и в укреплении самодержавия, и надо признать, во многом сохранены в механике управления странами до сих пор. Сегодня мы склонны полагать, что то были «пустые» времена, а пространства безлюдные, дикие и совершенно мало освоенные. Это заблуждение. То были времена великих переселений, важных этнических подвижек и открытий, то были времена Великих Империй…

Небольшая, сравнительно тёплая и благодатная, и к тому же закрытая горами долина р.Сучана (ныне р.Партизанской), была активно заселена в те времена и являлась одной из областей империи. Количество крепостей, поселений и монастырей, располагавшихся в небольшой долине, превосходит добрый десяток. Сама природа здесь никогда не располагала к кочевому образу жизни. Ещё государственность Бохая сложилась здесь задолго до объединения Европы Карлом Великим, и, несмотря на гибель, наверняка была унаследована чжурчженями. Живописные места, горы, озёра, заросшие лотосом (воды в долине было вероятно значительно больше того, что мы видим сегодня, а река совсем до недавнего времени ещё была полна рыбой), удобнейший выход к морю, источники, освящённые монахами, издревле привлекали сюда паломников со всей Империи Цзинь. Эти земли вероятнее всего в причину своего особого географического положения оставались окраинными, более независимыми от засилья и политики центров. Здесь могли проявляться некие другие формы племенного управления, самоуправления, оставившие след в истории, как земли вольные и сказочные, благодатные и счастливые. (Не отсюда ли берёт своё начало легенда о Шамбале, о чудной прекрасной стране, где живёт вольный счастливый народ?) Обычно затерявшиеся, отдалённые, окраинные земли у всех народов претендуют на звание сказочных стран счастья, довольства и равенства…

В повести затронут небольшой отрезок времени (два-три года) двенадцатого столетия и спустя тридцать лет несколько дней из первого десятка тринадцатого века. Дей-

ствия происходят на востоке Империи Цзинь в одной из дальних провинций, на территории юга сегодняшнего Приморского края. Русич Никита-кузнец молодец годов девятнадцати и чуть младше юноша монгол по прозвищу Тимоха семнадцати лет волей судьбы оказываются в неволе в Городе Кузнецов в долине благодатной реки, впадающей в океан. Правитель города и области наместник императора Шуа-хан озабочен общей политической обстановкой наметившегося упадка имперской власти в провинции, духовными и религиозными исканиями в народе, строительством кургана усыпальницы для своей покойной жены и судьбой единственной дочери Гюльджели. Извне городу грозит разрастающаяся орда кочевников под предводительством Кидань-хана. В среде знати усиливается оппозиция во главе с племянником наместника Юном. В трудные времена в город приходит ещё одна беда – болезнь. Люди покидают обжитые места, герои расстаются. Последняя глава книги посвящена их встрече много лет спустя. На фоне этих событий в повести показаны дружба и вражда героев, любовь, бытовые сцены во дворце хана, в кузне, в каменоломне, в городе, на реке близ монастыря, в долине и т.д.

Работая над повестью, я надеялся на встречу с пытливым, любознательным читателем, способным сквозь авторские вымысел и фантазии о прошлом видеть и день сегодняшний. Все незнакомые слова, используемые в повести, просто подзабыты сегодня, но в словарях они есть. Наш приморский любопытный читатель узнает два-три места в повести и обязательно поймёт меня и простит за то, что не утерпел, приукрасил и «похвалил своё болото». А как же иначе, родина ведь…

Вместо предисловия

Вместо предисловия написано к первой книжной публикации повести в 2009 году с иллюстрациями художника Николая Саунина (см. обложку), удивительным образом совместившего в рисунках тему давнего прошлого и самолёто-космического сегодня…

...О расформировании Эн-ского авиаотряда, в котором Андрей Серёгин служил уже десятый год, поговаривали давно, но как только рухнул Союз, совсем стало понятно, что службе и вовсе приходит конец. Майорские погоны на плечах Сергеева, ранняя синева висков, да не обременённая излишними материальными устремлениями душа – это всё, что доставалось ему, считай, за добрую половину жизни, отданную так или иначе лётному делу, как бы это высокопарно ни звучало. Не считая, конечно, ещё семьи. Но красивую, спокойную жену и почти взрослого сына. Сергеев серьёзно считал подарком судьбы, а не приобретением или наградой за своё лётное время. И вот об этом подарке в первую очередь нужно было как-то побеспокоиться.

- Поеду к маме, пока ты как-то определишься, – как-то уж излишне спокойно и скоро определилась жена. Она быстро ориентировалась в ситуации, лишь дольше обычного грустно посматривая в глаза Серёгину.

- В Саратов, так в Саратов…, – не очень-то обрадовался переезду сын. Всяческие пертурбации накануне выпускных экзаменов в школе ему явно были не нужны, но и он принимал случившееся с должным достоинством. Это как-то обнадёживало. Казалось, нервничал только сам Сергеев. С неделю, не находя себе места, он ходил хмурый и злой на весь белый свет, и, в конце концов, осмелился позвонить приятелю в штаб округа, знакомому ещё по училищу и сделавшему карьеру, дослужившись наверху до какого-то там заместителя.

- Не психуй, – успокоил его приятель. – Что-нибудь придумаем.

После его «придумки» Серёгин получил назначение в Приморье на один из малых аэродромов в отряд воздушного охранения береговых объектов. Это была почти граница, и значит, служба не обещала спокойствия. Но это было, несомненно, лучше, чем увольнение из армии вообще.

Жена с сыном, наскоро собрав немудрёный багаж, вскоре укатили к старикам на Волгу, а он сам, распрощавшись со своей старенькой «Нивой», прохолостяковав ещё пару месяцев в расформированном отряде, наконец, расстался с Эн-ском тоже, рассчитывая на четвёртые сутки добраться поездом во Владивосток.

…В попутчики Андрею случились два молодых человека, по всему приятели, что в купе и не сидели, а пропадали всё где-то должно в ресторане либо в гостях у кого в другом вагоне, поскольку объявлялись уже потемну поздно и изрядно подшофе. Третьим был высокий старик с красивой белой бородой и с таким же красивым отчеством Ермилович. На удивление и вопрос Серёгина – откуда, мол, такое имечко, старик охотно долго рассказывал о своих староверских корнях, о больших дружных семьях, что осели когда-то не от хорошей доли по Амуру. Михаил слушал и дивился по-доброму одной из историй необъятной России-матушки.

Строгой религиозности в своей семье Серёгин не видел и за родителями, как-то уж просто отошедшими от церкви в двадцатые годы, но кое-какие праздники и обряды из прошлого понаслышке знал. Жена, всё время работавшая учительницей в школе, знала верно больше из того, как много доброго можно было найти в религиозном воспитании. Непритязательность, скромность, воздержанность, послушание – разве это плохо когда дети знают что это такое. Мало того, Андрей с возрастом замечал всё чаще и острее в себе какое-то явно национальное чувство принадлежности к русскому, как говорится, этносу. Ничего не объясняя себе, просто любил правильно исполненные русские песни, звучные славянские имена. Так по-детски вдруг обрадовался отчеству нового знакомого – Ермилович! И не потому, что редкое имечко, а про-

сто какая-то милость и явная доброта были запрятаны в это славное сочетание обычных, казалось бы, букв.

Ночью совсем не спалось. Позванивала ложка в стакане на столике, снизу глухо стучали колёса, вагон мерно качало и легко подёргивало на стыках рельсов. С вечера Серёгин, как все порядочные люди раскошелился и заглянул в вагон-ресторан. Когда ещё выпадет случай такой свободы от дел да всяческих обязательств. Заказал себе сто грамм водочки «Столичной», слегка закусил котлетой дорожной, непривычной, да и угомонился на том, решив, что достаточно и вольготно погулял. Вернулся в купе, прилёг. Накатила тоска под сердце и потянула больно зудящей нитью череду памяти сорока пяти прожитых, так или иначе, годков…

К утру скрутило желудок. То ли водочка «несвежая» оказалась, то ли котлета, а может быть, просто его желудок последние месяцы страдал от излишней нервозности и постных дней. Так или иначе, промаявшись ещё сутки в купе, майор Серёгин по совету проводника вагона сошёл с поезда в Уссурийске и через пару часов после обращения в медпункт на вокзале, оказался в окружном военном госпитале.

- Н-да!.. – неопределённо хмыкал себе под нос военврач, перечитывая данные анализов. – Как это вас угораздило в дороге…?

- Да вот как-то так, – словно извиняясь, пожимал плечами Андрей.

- А давно замечаете непорядок с пищеварением? Комиссию последнюю когда проходил?

- Не помню, кажется прошлой осенью. Там в санитарной книжке отмечено.

- А семья где? – вопрос врача прозвучал несколько серьёзно.

- Мои дела так плохи? – спокойно вместо ответа спросил Серёгин.

- Это обычный опрос пациента – как-то излишне безразлично пожал плечами доктор.

- Я думал вызвать жену с сыном сразу же по приезду на место службы, но теперь…

- Так вы ещё не знаете куда направлялись? Н-да! – оживился доктор, внимательно между тем заглядывая в глаза Серёгину. – Ну-с, майор, с месячишко придётся погостить у нас. О месте вашего пребывания в часть мы сообщим. Пока примите вот эти пилюли и отдыхайте.

- «Однако, что-то серьёзное…», – думал о своём положении Серёгин. – «Странно, кажется, вчера ещё был здоров и совсем не рассчитывал свалиться вот так на ходу…».

В госпитальной палате его встретили армейским юморком:

- Ну, вояки, кажись к нам подкрепление с воздуха!

Андрей и не успел сообразить, каким образом в палате уже знают о его лётной службе, как в углу у окна, обращаясь к соседу, но с явным расчётом подцепить новенького, громко заговорил, чуть приподнявшись на локте, верзила с хмурым худым лицом и с блестящей плешью во всю голову:

- Слышь, Пехота, как говорится, в бане чинов не разберёшь, это всем давно известно, но я вот знавал одного вояку, так вот он безошибочно мог по любому заду определить и звание и должность.

- Опять заливаешь, – отзывается неохотно сосед с чистыми синими глазами на круглом полном лице.

- Серьёзно тебе говорю! У него этакий талант к этому всегда был и соответственно прозвище…

Серёгин не сдержал смешок, что, конечно же, не прошло незамеченным для обитателей палаты.

- Вот и подкрепление тоже не верит, – втягивает в разговор Серёгина лысый.

- Нет, почему же, я верю, и тоже встречался с такими знатоками по части лизать чиновничьи зады…, – охотно отозвался Андрей.

- Ах, вот вы о чём! – сообразил круглолицый, а верзила переключился тут же на Андрея.

- Ну, дружище, с тобой неинтересно. Всё-то ты знаешь наперёд. Но, вот для примера, скажи тогда, в каких частях служит Пехота? А я потом запросто отгадаю, откуда ты.

- Ну, не знаю…, – улыбнулся Серёгин, догадываясь о каком-то подвохе. – Наверно в пехоте, раз вы его так кличите?

- Да-а, логика у тебя железная, но тут ты не в масть! Пеший – у него фамилия, а про службу он молчит как танк, на котором отгрохотал должно быть уже лет пятнадцать, но говорит – секрет, военная тайна, как у мальчиша-кибальчиша. Так что пролетел ты тут, майор, – верзила явно бравировал тем, что откуда-то знал о звании Серёгина.

- Как я понял, тайны у вас тут долго не хранятся, – Андрей улыбался, разводя руками. – Только каким образом?.. Тут же, как в бане, почти голым остаёшься?..

- С моё поваляешься тут, научишься кое-чему…, – почти серьёзно завершил знакомство лысый.

…Месячишко, однако, затянулся до лета. Доктор настоял, и Серёгин согласился на операцию. Жена после первой же телеграммы прилетела в Уссурийск и жила первое время в гостинице, а потом сняла квартиру, устроившись временно в детский сад на работу. Сын остался у тёщи, и у Андрея болела душа за то, как он там окончит школу и сдаст выпускные экзамены.

- Ты за него не беспокойся, – успокаивала жена. – Он у нас взрослый самостоятельный парень. О себе лучше подумай. Давай выкарабкивайся, не расслабляйся…

Жена вроде шутила, но в глазах Андрей видел участие и нешуточную грусть. «О самолётах, вероятно, придётся забыть. А чем заниматься? Я же ничего другого не умею делать…». Вспомнил о своей школьной любви к истории. Попросил жену поискать чего-нибудь в городской библиотеке. Она с примерным усердием исполнила просьбу и через пару дней принесла солидную стопку книг: всего Гумилёва, Чивилихина в роман-газетах, знаменитую трилогию Василия Яна, несколько томов Карамзина.

- А почему так мало Николай Михайлыча? – не утерпел и слегка съязвил Серёгин.

- Да я решила… так, для затравки пока тебе ассорти предложить, а там как пойдёт. Думаю, до выписки из госпиталя хватит…

На удивление книг не хватило! Через неделю Андрей попросил несколько книг «Истории России» Соловьёва, затем проникся «Родовым бытом германцев» Тимофея Грановского, и к тому времени, когда доктор с удовлетворением объявил Серёгину о дне выписки, он самозабвенно увлёкся и сам задумкой написать небольшую повесть.

В лётную часть по месту службы Серёгины добрались в самом конце лета. Сын писал, что поступил на филфак, чем несколько удивил: почему-то всегда думалось, что парень пойдёт в военное училище, но, поди ж ты, пошёл своей тропкой. Ну, дай-то Бог. Может быть, Андрею самому стоило бы когда-то серьёзнее думать при выборе пути?.. Но, теперь чего жалеть: первую половину отслужил уж, надо как-то вторую дотягивать. Комиссией от полётов отстранили, пока, говорят, оклемайся на земле, а там будет видно. А на земле все места насижены, не подступишься. Всяк свое при себе держит, не шибко делится. Жене проще: сразу же пошла в школу, как и на прежнем месте. Худо-бедно свою неважнецкую зарплату получит, на хлеб-соль хватит. Назначили и Серёгина на должность какого-то там запасного инструктора по безопасности, кое-какое жалование за то положили. «Живы будем – не помрём!» – как-то безразлично думалось Андрею. И лишь большая общая тетрадь, в которой он начал свою повесть, теперь занимала всё его свободное время. Писалось нелегко, но это занятие как-то скоро и без особого труда стало любимым. «Первым читателем будет сын. Пусть знает, какие здесь чудесные места…» – думалось с самого начала, как в повести проявились главные картины и события.

…Первые дни сентября всё ещё казались летом, хотя август заканчивался ветрено дожём, многоводием. Но вскоре всё окрест подсохло и почти не утратило зелёного буйства по склонам. Ночами, правда, температура падала до десяти градусов, заставляя зябко поёживаться под лёгкой простынёй. Днём же градусник показывал за двадцать, но тепло это уже было мягким, словно касательным и не жгучим. Дальние вершины как-то чуть поблёкли, было видно,

что кучерявые сопки вот-вот поменяют зелень свою на другие неведомые краски. Оттого пред мигом сим чувствовалось этакое ожидание, небольшая остановка, вроде бы малое затишье.

К лекарствам, прописанным доктором, Серёгин добавил кое-какие снадобья лекаря из местных корейцев, к которому посоветовали обратиться сослуживцы. А когда болезнь припрёт, пойдёшь на поклон к любому китайцу-малайцу. И надо признать болезнь, кажется, отступила, но сделала Серёгина чуть угрюмее. Жена с пониманием отнеслась к такой перемене в его характере, предоставив ему чаще уединяться. И он использовал это, к зиме освоив пешком окрестности гарнизона и прилегающей к нему большой деревни.

В январе после снегопада выбрался сквозь серые заросли к реке. На ровном льду протоки свежо и чисто. Чуть слепит солнце, отразившись от снежной глади этой небольшой котлубани. Среди черёмух тишина и глубокий снег, но у берегов, против ожидания, сугробов почти нет. Чуть слышен говорок на удивление незамёрзшего переката, да в серых ветвях лёгкий посвист поползня. «Надо бы наведаться в город, побывать у моря. К весне поправлюсь, буду подумывать об автомобиле…» – сожалел Андрей о проданном поспешно четырёхколёсном коньке, но думалось обо всём под эти незамысловатые звуки тепло и приятно.

...В город выбрался лишь к весне после нежданной оттепели, когда температура днём вдруг поднялась до плюс десяти градусов, и солнце вылизало грязный снег по скверам, наделав грязи и порадовав соскучившееся по теплу воробьиное племя в ветвях вяза. Заночевал по совету сослуживца у его знакомых. Ночью в колодцах-улицах гулял изувер ветер. Но ветреная ночь унесла за собой весеннюю грезу о тепле и вернула всё на свои места: на улицы – мороз, в низкое небо – стылое дыхание февраля, а в душу – щемящую тоску по лету. На следующий день побывал у моря. Над его свинцовым простором ветер усиливал действие жгучего морозца, превращая барашки у самого берега в белую наледь поверх камней. В ушах стоял какой-то свист от воды, летящей с макушек волн обжигающими брызгами в лицо. Картина, в общем, была мрачной, но величественность её подчёркивалась совершенно чистым небом и ясной раскрытой далью противоположного берега залива, раскинувшегося пред взором, словно на ладони.

После поездки в город работа над повестью подвинулась скорее, тетрадка от частого пользования изрядно распухла, и к приходу тепла закончилась. Он добавил к ней ещё несколько листов и, перечитав ещё множество раз, удовлетворённо сложил всё в полиэтиленовый пакет. Оставалось показать повесть знающим людям, и опубликовать. Сыну, конечно же, Серёгин отправит уже готовую красивую книжку…

Глава 1

1. Конец пути

…Каменную крепость на малом перевале покинули ещё затемно. За день надлежало выйти на большой водораздел и спуститься южным склоном к большому укреплённому городу и успеть устроиться на ночлег. Небольшой обоз, ступивший на торную таёжную дорогу, состоял из десятка навьюченных малорослых, но крепких и выносливых лошадей и из отряда скуластых воинов, один из которых восседал на чагровом жеребчике и был одет кроме кожаных доспехов ещё и в длиннополый халат, тканный узором по подолу, свисающему на конские влажные тёмно-пепельные бока. На голове его красовалась островерхая круглая шапка, отороченная соболем, с мягкой меховой кистью на острие, у пояса о ножны короткого меча позвякивала серебряная пайцза сотника. Уставшие воины шли рядом с лошадьми, привычно опираясь на древка небольших копий. В середине шествия тащились двое изнурённых пленников, соединённые в пару деревянным ярмом и привязанные к громоздкой повозке на деревянных колёсах, в оглобли которой был впряжён крупный грязной масти лошак. К полудню обоз, миновав маленькую кумиренку из замшелых камней, где перед деревянным божком птицы клевали в глиняных чашках ячневые остатки, вышёл на большой перевал, и тут же был задержан небольшой группой вооружённых всадников, едущих почти бесшумно навстречу. По повадке держаться независимо и высокомерно эти люди с обветренными лицами, облачённые в лёгкие кавалерийские доспехи, уверенно сидящие в сёдлах, были из специального отряда надзора на дорогах. Старший из них, оценив взглядом серебряный знак сотника, обменявшись с ним несколькими словами, мельком строго глянул поверх голов и, махнув своим воинам, разрешил продолжать путь. Эта остановка была небольшим отдыхом. Потом обоз долго шёл вдоль лесистой гривы, скрываясь в тени деревьев. Затем ненадолго задержался на небольшой явно вытоптанной людьми и лошадьми площадке в седловине горного кряжа. Отсюда дорога уходила вдоль каменистого ключа вниз в долину, пролегая мягкой извилистой полосой к редколесью, состоящему из высоких ветвистых вязовин и редких дуплистых тополёвых громадин.

Днём стояла почти невыносимая жара. Горячий ветер не приносил облегчения, хотя, кажется, и старательно носился порывами над вершинами деревьев, выворачивая на тыльную сторону тяжёлую пышную листву раскидистых ясеней, что встали вдоль речки по галечнику вековыми стражами неведомых безлюдных территорий таёжной глухомани. Но к вечеру небо затянуло пеленой, ветер как-то разом стих, и настороженная тишина окутала открывшееся с перевала пространство и тут же, перемешанная с духом тайги и разнотравья, расползлась медленно по всей долине нескрываемой ленью, проглянувшей тут же даже в угомонившемся как-то сразу трепете листвы. Сверху издали виднелась, поблёскивая на мелях, бесшумная река, словно вкрадчиво просачивающаяся среди серо-зелёных берегов. Ниже река разливалась множеством ериков и стариц, занимая всё пространство изумрудной низменности, раскинувшейся меж двух отрогов. Тусклое, словно восковое небо повисло низко, и так же лениво и неспешно плавилось над долиной. Уставшие обозники, несмотря на близкое окончание пути, теперь на ровной широкой дороге, повторяющей изгибы реки, совсем замедлили шаг и еле тащились, изнывая от духоты.

К вечеру уже на подходе к городу на перекрёстке северной и западной дорог обоз слился с пёстрым шумным караваном, громыхающим большими деревянными колёсами повозок и оглашающим окрест рокотом, и говором доброй сотни людей. Повозка с пленниками на привязи подкатила к селению в самые сумерки последней. Стража с копьями у высоких частокольных ворот в город никого не впустила, разрешив въехать только троим из военных, среди которых был и тот, что ехал на пепельном жеребчике. Расположившись к ночлегу поодаль у крепостного вала, угрюмый и уставший воин-чжурчжень жестом показал пленным на сноп

сухого рыжего камыша под повозкой, развязал ярмо, оставив лишь соединявшую их в пару грубую грязную бечеву на шеях, затем, зло ухмыльнувшись, бросил коротко и непонятно: – «…эндэ!», и ушёл не спеша к городским воротам, где горел большой костёр, было шумно и откуда с дымом приносило запах варёной конины.

Вид у пленников был незавидный. Первый был постарше – рослый кареглазый славянин с крепкими мускулистыми руками, но, несмотря на изрядную русую бородку, выглядел мальчишкой. Виной тому, верно, была худющая длинная шея и босые израненные ступни. Снизу на нём были холщовые грубые изорванные до колен штаны, а сверху - такого же покроя мешком ряднина без рукавов, сквозь которую проглядывала в рубцах спина. Второму было лет шестнадцать, хотя, приглядевшись к его высокой фигуре, можно было понять, что ему, несмотря на возраст, выпало немало испытаний. Невесть какие шаровары, совершенно утратившие свою форму, лохмотьями грязной тряпицы болтались вокруг его ног, а на плечах висел лоскут неопределённого цвета, бывший, когда-то вероятно, частью того, что именуют халатом. Чумазые руки были покрыты цыплячьей коростой, но аккуратное монгольское лицо было светлым, непроницаемо взрослым и почти неподвижным, как у восточного каменного божка, и только слегка раскосые, с зеленцой глаза из-под грубой рыжеватой чёлки живо играли в свете дальнего костра изумительно чистой живой искрою.

Мальчишка монгол, однажды отбившийся от своих обедневших родичей, попал к пастухам родового нойона, которому приходился по отцу племянником. Лето пробыл в степи, и так бы и остался при лошадях, если бы по осени не попался на глаза баскакам, объезжавшим по распоряжению тайши подчинявшиеся ему улусы. Рослого, сообразительного малого прихватили за долги для пополнения гвардии. Нойон по бедности не смог отстоять мальца, но пообещал при первом же случае выкупить его у тайши. Первоначально малый попал в услужение к одному из темников, но вскоре, и от военного влиятельного человека, его так же в надежде на выкуп забрал чиновник из Нингуты. Но так как за зиму выкупа за недоросля никто не собрал, то чиновник приказал переправить его вместе с пленным славянином кузнецом Никитой далеко на восток. Через большую Белую крепость Бай-чэн, столицу империи, на Дадань-шань, что означало Большие Восточные горы, пролегал многодневный колёсный путь к Великому океану. По этому пути в столицу везли с востока пушнину, рыбу, "корень жизни" женьшень, железные доспехи для воинов императора, золото и серебро. А на восток по этой же дороге привозили крепкую водку-ханшин и рабов для работы в железных копях Даньшаня и в кузнях города мастеров крепости Шуа-чэн.

- Развязал, злыдень, и то добро…, – потирая замлевшие руки, оглядывался вокруг славянин. – Вечерять должно не придётся. Поздно уж, сами пока не набьют брюхо, о нас не вспомнят. Так что падаем, Тимоха, спать натощак. Вишь, сторож как напужал – «эндэ». Что бы это значило…?

- Бежать нет куда…, польза нет, – устраиваясь под повозкой, хмуро поясняет монгол. – Поймают так-так!

По произношению можно было сделать вывод о сообразительности и смекалке его, но также было понятно, что он равно одинаково плохо понимает и славянина, и чжурчженя.

- Дён сорок уж волочимся на привязи. На край света должно привели. Куда уж тута побежишь…, – продолжает ворчать русый. Как-то так получилось само собой, что юношу он стал называть Тимофеем.

Сели у повозки, прижавшись друг к другу спинами. Вокруг насунулись густо замешанные влагой и духотой сумерки. Чуть поодаль у земляного вала темнел кучерявою кроной белый клён. Лёгко и бесшумно с него сорвало пару листьев; один, кружась медленно, опустился рядом на вытоптанную землю у повозки. Никита взял лист в руки, зачем-то понюхал:

- Ну, вот, Тимоха, и Петров день ноне, должно быть…

- Моя понимай нету, – безразлично отозвался недоросль.

- А тут и понимать нечего: лето на другую половину повернуло. Пришёл Петрок – сорвал листок. Это говорится так. И ещё говорят – придёт Илья, сорвёт два. Это уж когда явно на осень дело пойдёт.

За долгие дни нелегкого пути пленники чуть сдружились и, кажется, смирились с доставшейся неволей, перенося её с достоинством и молча. Разница в возрасте совсем не разъединяла их, наоборот, словно дополняя друг друга, они чувствовали что-то важное и удивительное в своей случайной встрече.

- Ты, Тимоха, отощал совсем…, плечом своим, что поленом тычешь мне в спину. А на мне, сам вишь, тоже мяса не жирно. Худо, брат.

- Моя твоя нету брат, – зыркая гордым глазом, ворчит в ответ младший. – Твоя брат урус-угра. Мой кров другой.

Потом ещё изрядно ругается на своём языке.

- Какой там другой…, – смеётся русый. – Такая же и у тебя кровь, как у всех – красная, и так же как всем больно, когда льётся.

- Красный всем одна – правильна, голова всем разный, – стоит на своём юноша.

- Ловок ты, Тимоха, изворачиваться. Но про голову верно приметил. Она одна, что поднимает человека среди других, либо унижает. Мы вот нынче с тобой ниже некуда. Моя пустая голова ноги за собой потащила от матки, от тяти, от родичей, да в полон завела. Да и у тебя, видно, не шибко знатная макушка. Теперя в одной упряжи с моей. Охо-хо…, – сокрушается «брат угра». – Живот эвона как подвело!

- Еда плохой – брухо худой. Тридцать три луна еда плохой. Ага Бугуч шибка болей многа, умирай скора. Хотон-семья сила теряй. Матка лес ходи, все дети лес ходи. Моя старший, тожа лес живи. Худа живи! Моя сам семья бросай, другой родня ходи…, – сокрушённо оправдываясь, поддерживает разговор Тимоха.

- А я вот у князя-воеводы в кузне на молоте стоял. Старшому вовремя не поклонился, посекли малость, попортили потылицу. Видел кака спина у меня репаная…? А я, дурень, обиделся напрочь. Мы хоть и из холопьв, но из задушных, на свободу по доброте душевной барин когдась тятьку отпустил. По обиде я и сбёг, куды глаза глянули. Поговаривает народ, что есть-де така чудо-земля, Шамбала прозывается, а ещё Беловодьем кличут, Белозером – кто как. И будто живёт там люд честной в довольстве да в добре. Не обижают друг дружку, не болеют. Да! По-сту лет живут. Так-то, брат. Но, я так понимаю, врут всё люди…

- Есть такой чудо-земля! Эх, Никитка, твоя прошёл – не заметил…, – просто и как-то грустно проговорил монгол.

- Где ж это? – приподнимаясь на локоть, серьёзно удивился русый.

- Онон-вода ходил? – спросил озорно Тимоха.

- Река така чтой-ли? – разочаровываясь, позёвывает русый. – Бывал. Места добрые. Где повыше – холмы, красиво, а ниже – луга, привольно! Лошадей много. Но народец нищий. Должно земля плохо родит. Какое уж чудо…? На меня там шепсуги оравой налетели, повязали. С тех пор вот на верёвке и тащусь.

- Шепсуг – «хора улус», плохой люди. Онон-вода – хорошо! Кругом чудо! Родной земля…, «цагон ёсу» – знатный люди. Моя мало-мало расти, родня выкуп собирай, моя своя улус возвращайся…, – восторженно продолжает монгол.

- Ах, вон оно что…, – догадывается и смеётся русый. – Родину вспомнил. Оно конечно, родимая сторонка каждому близка и дороже нету. А всё ж не Шам-ба-ла…

Из сумерек появляется чжурчжень из охраны. Ставит к повозке приспособленное под факел копьё с металлическим блюдцем-жирником, в котором над рваной прядью пенькового фитиля трепещет рыжий дымный огонёк. Рядом ставит большую деревянную, сработанную под дёжку, посуду, в которой мерцает молочного вида варево, вкусно пахнущее пережжённым

просом. Небрежно кивает пленникам, едва не опрокинув нехитрую снедь под ноги, слышит последние слова славянина и переспрашивает заинтересованно:

- Чанда-ла...?

Русый ловко удерживает от падения дёжку и, порывшись за пазухой в рванине своего зипуна, вытаскивает ладную деревянную ложку.

- Люди говорят Шамбала, а я только повторяю.

- Чанда, Дурга-чанда хох-хох!.., – скороговоркой повторяет воин и тычет неопределённо в темень рукою. Грудь его, прикрытая изрядно потёртой кожей-панцирем, грозно поблёскивает.

- Во, паря! И тутошний народ знает про чудо-землю. Знать и тут не всем сладко, коль мечтать умеют, а потому и мы не пропадём, коль свои есть…, – резонно завершает мысль русый.

Чжурчжень черпает из дёжки большой глиняной миской и, присев тут же подле колеса на корточки, с шумом тянет губами, причмокивая, тёплую похлёбку. Монгол тем временем извлекает из своих рваных шаровар небольшую глиняную пиалу с белёсыми потёками, а славянин чуть приметно крестится, слегка повернув лицо в сторону. Прилаживаются с двух сторон к еде и молча жадно едят, попеременно черпая и часто постукивая в гулкие бока деревянной посудины. Воин, высокомерно глянув в их сторону, смачно сплёвывает с губ попавшуюся просяную шелуху и, плеснув наотмашь капли оставшейся еды из миски под ноги, уходит к крепостным воротам, подхватив ловко в левую руку копьё-факел. Пленники заканчивают ужин уже в темноте. Чуть погодя, отставив пустую дёжку, намереваются спать.

- Ну и мы, грешные, давай укладываться…, – вздыхает облегчённо русый. – Душно-то как ноне. Должно к дождю. Небушко, вишь, совсем непроглядное. Темень… и тихо. На душе тягость. Эк, неведома земля душу страхом полонит. Ну, да мы его молитвою…, как тятька научал. Полегшает…

Русый, сидя, крестится и вполголоса молится: «Господи Боже наш, еже согреших во дни сем словом, делом и помышлением, яко благ и человеколюбец, прости ми, Никиту, раба твого, да иноверца Тимоху; мирен сон и безмятежен даруй ми; Ангела Твоего Хранителя посли покрывающа и соблюдающа мя от всякого зла. Яко Ты еси Хранитель душам и телесам нашим, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь…».

Монгол искоса усмехается, молчит, но в отсветах разгоревшегося костра у крепостной стены виден его острый любопытный взгляд. Вскоре он дремлет, и сквозь приходящий сон припоминает детство. Думается, что у каждого оно обязательно светлое, даже тогда, когда беспризорное, бездомное и обездоленное. Так уж нужно природе, и всё это лишь потому, что в детстве не знаешь многого. Не знаешь приличной сытости, потому и жизнь впроголодь кажется сносной, нужду ещё не называешь нуждой, потому что другого ещё в жизни не видел и потому не ведаешь. Просто живёшь, как живут рядом с тобой отец, мать, братья, сёстры, сородичи и рад тому, что живёшь. Понимание того, что живут по-разному приходит в отрочестве. Может быть, после первых обид на отцовский подзатыльник, не по заслугам доставшийся за проказы младших, или от первых безответных чувств влюблённости в девчонку из соседнего стойбища, куда однажды ездил, трясясь на лошади за потной широкой спиной отца. А может быть, и не из-за обид, а из чувств сострадания к долго и тяжко умирающему деду, нелепо сорвавшемуся однажды с необъезженного дикого жеребца.

Будучи совсем ещё маленьким в один из зимних вечеров, когда за стеной юрты голодным зверем подвывает тоскливо ветер и бьётся в стену колючая метель, от деда он слышал легенду. Давно это было. Так давно, что никто в степи уж и не помнит – правда это или нет, но, говорят, жили тогда люди большими куренями, тысячи повозок устраивались стойбищем. Жили не богато, но и не бедствовали. Земли вокруг много, кочевали с зимних пастбищ на лет-

ние по старым обычаям, как старики завещали вовремя и по справедливости, родового нойона уважали и почитали, в соседний аймак за невестами ездили, на которых калым худо-бедно всегда находился. Так вот, в одном большом богатом отоке у зайсанги было много сыновей, а у тех сыновей ещё дети рождались, и всё одни мальчишки. И однажды пришло время, когда всех невест в округе посватали, и самому младшему поблизости не нашлось жены. А далеко за невестой идти – калыму столько не соберёшь. Решили собрать в складчину нэшвер, как за бедного жениха родственники собирают, и сосватать из далёкого аймака оставшуюся незамужней некрасивую последнюю дочку тамошнего шуленги. Но не все родственники согласны были. Одни по бедности своей не смогли участвовать в сборе калыма, другие из скупости отказали. И пошла среди людей распря. Большие курени распались. Молодёжь перестала уважать стариков, нойоны бесчинствовали по улусам, обижая бедных, окружив себя многочисленной льстивой гвардией из слуг и охранников. А тайши, подкупленные и обманутые нойонами, везли богатые подарки хану и лгали ему о вольной и благодатной жизни в степи.

Обиделся тогда юноша на судьбу, осерчал на родичей и ушёл, покинув стойбище, куда глаза глядят. Знал от стариков, что далеко-далеко в четыре луны ходу на восход солнца, там, где, собираясь из множества ручьёв и речушек, катится большой водою мать-река, медленно и величаво рождается Земля. Словно выходя из нескончаемого пространства Великого Синего Моря, она неведомым зверем выбрасывает из воды свои гигантские лапы-сопки и кладёт на них свою громадную голову-гору, покрытую густой непроходимой тайгою, как дивной косматой шкурой. Отправился юноша к тому началу земли с надеждой научиться правильно и счастливо жить, а заодно найти себе жену. Долог и труден был его путь. Много рек переплыл, в топких болотах тонул, до самых небес в высоких горах поднимался и не раз находил привольные долины с зелёными лугами и чистою водой в прохладных ключах. Но не встречал нигде счастливых людей. Всё потерял юноша в пути – верный конь потонул в одной из бурных рек, одежда обветшала и истлела на плечах от дождей, солнца и пота, тугой лук сломался однажды, спасая его от падения в глубокую пропасть. Только силы и мужества приумножила дорога юноше, превратив его в славного статного богатыря.

И только у синего Великого Моря нашёл батыр племя счастливых людей мохэ. Всего было много у того племени: в море и в реках множество рыбы, благоухающий лес полон дичи, на лугах нескончаемые табуны красивых сильных лошадей, а озёра в долинах славной летнею порой покрыты дивным и священным цветом-лотосом. С недоверием и опаской встретили юношу в племени. Долго не принимали и испытывали его люди мохэ. Но полюбила богатыря дочь вождя и приблизила к себе, и покорила чарами своей любви, да так, что позабыл всё юноша под ласками и взглядами красавицы: и дорогу домой, и усобицу родичей, и вражду вождей, и главное о том, что, отправляясь в путь, он помышлял постичь закон справедливой жизни. Нашёл ли богатырь тот закон-джасак, легенда, рассказанная дедом, умалчивала. Но многие юноши с тех пор уходят в далёкий край на помощь богатырю с надеждой найти райскую землю и освободить батыра от чар красавицы жены, вернуть ему память о родине. Но ещё никто так и не возвращался. Глубокие и бурные реки, высокие снежные горы крепко хранят тайну того богатыря и того племени, и вместе с ними и тайну закона-ясы счастливой правильной жизни.

Рассказывая легенду, дед непременно поучал: «Рай – это всё то, что с детства любишь больше всего, это твоя родина, твоя степь, твой улус, и покидать их можно лишь для того, чтобы научиться чему-нибудь, а потом обязательно нужно вернуться и полюбить родину ещё сильнее…». За незлобливый и открытый нрав, за умение из дружбы со всеми извлекать пользу для всех родичи шутя называли деда «простаком» …

- Слышь, Никитка, а твой улус шибко далеко ходить? – сквозь дрёму почему-то вдруг спрашивает Тимоха.

- Ух, чего спросил-то, паря…, – так же сквозь сон нехотя отвечает Никита и чуть помедлив, добавил: – За Байкал-море долог путь. А уж там поначалу на реку Иртыш, потом вниз до Тобол-реки, потом опять же по Тавде вверх на реку по прозванью Сосьва, а уж там и за Урал-камень недалече до нашенской речки Язьвы. Долгонько, вишь, до мамки с тяткой, эхма! Спи уж, чего там…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.